

АННОТАЦИИ

A. V. RIASANOVSKY. THE EMBASSY OF 838 REVISITED: SOME COMMENTS
IN CONNECTION WITH A «NORMANIST» SOURCE ON EARLY RUSSIAN HISTORY
«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 10, 1962, Н. 1, S. 1—12

Как известно, важнейшим основанием норманистской теории послужило известие русской летописи («Повесть временных лет») под 862 г. о призвании варягов-руси во главе с Рюриком, Трувором и Синеусом. Впрочем, тезис о призвании варягов натолкнулся на следующую трудность: известия о пребывании руси в Северном Причерноморье относятся ко времени до 862 г. Даже если оставить в стороне упоминания руси у авторов VI — VII вв., можно указать на два факта, свидетельствующих о пребывании руси в Северном Причерноморье до 862 г.: нападение русских на Амастриду около 842 г. и на Константинополь в 860 г.

Чтобы снять возникающее противоречие, ряд норманистов (от А. Шахматова до А. Стейндер-Петерсена) выдвинул гипотезу о двух волнах варяжской колонизации Руси. Призвание 862 г. было, согласно этой гипотезе, вторым этапом, тогда как первый приходился на более раннее время (по Шахматову — на VIII в.). Правда, археологические источники не дают никаких оснований для подобных суждений, и даже Т. Арне говорит о первом появлении норманской колонии к югу от Ладожского озера в первой половине IX в., а поселение норманнов у Гнездова датирует уже около 900 г. Однако в распоряжении норманистов был один текст, казалось бы, свидетельствующий о прочности варяжских позиций в Поднепровье первой половины IX в., — сообщение Бертинских анналов. Это сообщение и является предметом анализа американского историка А. Рязановского.

Как известно, Бертинские анналы сообщают, что правитель (chacanus) народа, называющего себя Rhos, отправил послов к византийскому императору Феофилу А так как прямой путь из Константинополя на родину был затруднителен для русских послов из-за варварских племен (barbaras et nimiae feritatis gentes), Феофил отправил их к франкскому императору Людовику в Ингельгейм. Здесь было установлено, что послы принадлежали к шведскому племени (eos gentis esse Sueonum).

Рязановский обращает внимание на то обстоятельство, что правитель Руси назван в Бертинских анналах хаханом — термином, который никогда не прилагался к скандинавским королям. Он цитирует письмо Людовика II византийскому императору Василию I от 871 г., где прямо сказано, что термин «хахан» не применяется к государю норманнов (Nortmannorum), но только к королю болгар (regem vel dominum Vulgarum).

Впрочем, последнее утверждение неточно: как известно, хаханом назывался также правитель Хазарии. Называли этим титулом и киевского правителя: древнейшее свидетельство, указанное Рязановским, содержится в анонимном персидском сочинении «Худūd ал-Алам», написанном в 982 г.¹

Итак, в хахане народа Rhos естественно видеть киевского правителя. Шведами были только его послы, что вполне понятно, — но его подданными были русские.

Рязановский останавливается и на критике теории Г. Вернадского, по мнению которого к Феофилу прибыли послы не из Киева, а из Тмуторокани, где в IX столетии будто бы существовало варяжское княжество. Рязановский подчеркивает, что теория Вернадского не только не подкрепляется реальными фактами, но и прямо противоречит сообщению Бертинских анналов, ибо путь от Константинополя в Тмуторокань никак не мог проходить через земли опасных варваров — он проходил по морю, где господствовали византийцы. Напротив, в Киев естественно было ехать через Ингельгейм и Краков, поскольку — добавлю от себя — в южнорусских степях в те годы господствовали венгры (с ними, к примеру, столкнулся на пути в Хазарию Константин Философ примерно в то же самое время).

Таким образом, Рязановский показал, что известие Бертинских анналов не может

служить подкреплением норманистской теории: в первой половине IX в. в Киеве правил русский «хакан», и именно его послы были отправлены в Константинополь.

Одно обстоятельство я должен отметить с удивлением: если Рязановский обильно цитирует новую западную и старую русскую литературу вопроса, то ссылается на советских авторов он избегает (названы лишь по одной работе Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова и труды наших востоковедов: А. П. Дьяконова, Н. В. Пигулевской, В. В. Бартольда, относящиеся, собственно говоря, к смежным сюжетам). Рязановский убедительно критикует Вернадского, Стендер-Петерсена, Г. Пашкевича, — но нет ни слова о том, что критика норманистских воззрений этих ученых была давно уже дана на страницах советских журналов. Он признает достоверность сообщения о набегах русских на Амастриду — и не упоминает о статье Е. Э. Липшиц в защиту достоверности этого сообщения. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

А. К.

S. VRYONIS. THE QUESTION OF THE BYZANTINE MINES

«Speculum», XXXVII, 1962, № 1, p. 1—17

Американский исследователь С. Врионис — по существу, впервые в науке — поставил вопрос о добыче металлов в Византии. Он привлек значительную массу источников — как законодательных памятников, так и нарративных; наряду с греческими текстами используются армянские, арабские, персидские. Автор ссылается также на археологический материал, правда, весьма скудный (стр. 14).

Врионис констатирует прежде всего, что византийские законодательные памятники (Василики и схолии к ним) позволяют сделать вывод, что металлодобыча сохраняла в византийском обществе то же положение (the same position), что и в римском (стр. 3). Правда, позднее и совсем в другой связи Врионис допускает возможность того, что поздние юридические источники (в частности, «Шестикинижие» Арменопула) содержат лишь архаические повторения предписаний кодексов Феодосия и Юстиниана (стр. 9, прим. 42). То же самое с полным правом мы могли бы отнести и к Василикам (и их схолиям): это не оригинальные тексты, а переводы юстиниановских норм. Поэтому первый аргумент Вриониса нельзя считать сколько-нибудь убедительным. Впрочем, он и не ограничивается таким аргументом, а собирает — и в этом ценность статьи — конкретные сведения о рудниках в Византии — отдельно для Малой Азии и Балканского полуострова.

По данным Вриониса, упоминания о рудниках в Малой Азии и на Балканах довольно обильны в позднеимперский период; они сокращаются в эпоху с V по XII в. и становятся вновь многочисленными с XIII столетия. Объяснить это обстоятельство, согласно Врионису, можно двояко: либо мы допустим — вместе с исследователем истории римских рудников О. Дэвисом, — что в результате арабских завоеваний, а также германских и славянских вторжений часть рудников была потеряна империей, часть же пришла в запустение; либо же — и сам Врионис склоняется именно к этой точке зрения — мы будем искать разгадку в характере византийских источников, не уделявших достаточного внимания будничным предметам вообще и металлодобыче в частности (стр. 16 сл.). «Очевидно, — заключает свою статью Врионис, — что золото, серебро, медь, железо и свинец были доступны византийцам на их собственной земле и в соседних (sic!) областях; эти металлы добывались в рудниках, которые, по-видимому, продолжали функционировать от античности до османского господства» (стр. 17).

Итак, несмотря на отсутствие источников, Врионис приходит к весьма определенному выводу о континуитете горного дела в Византии — подобно тому, как в другой статье он отстаивал тезис о континуитете византийских городов¹.

Конечно, нет никаких сомнений, что металлодобыча не исчезла в Византии после IV столетия. Весьма интересны, в частности, собранные Врионисом данные о борьбе империи с персами в VI в. за богатые рудники в пограничных районах (стр. 5 сл.). Он ссылается также на свидетельство Павла Силенциария о серебряных рудниках в Пангее и Сунии (стр. 13) — свидетельство, относящееся опять-таки к VI в.

Зато с VII по XII в. Врионис не знает ни одного упоминания о византийских рудниках, если не считать топонима Халкургия в эпосе о Дигенесе, и ограничивается сведениями восточных писателей о рудниках в Армении и смежных районах. Вполне вероятно, впрочем, что Армения и восточные области Анатолии оставались и в эти столетия центрами добычи металлов, и Врионис с полным основанием поддерживает точку зрения Р. Блейка, считавшего, что упадок арабской чеканки серебряной монеты в X—XIII вв. обусловлен переходом серебряных рудников в руки византийцев (стр. 7).

¹ S. V r y o n i s. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741) from the Thomas Whittemore Collection and the Numismatic Evidence for the Urban History of Byzantium. — ЗРВИ, 8, 1963, p. 291—300.